

Коряки на севере Камчатки утрачивают свой исходный генофонд

Проведен анализ демографической структуры популяции коряков на стыке ареалов коренных малочисленных народов Севера – коряков, чукчей и эвенов. У всех этнических групп отмечено увеличение среднего возраста в периферийной популяции северо-востока Камчатки по сравнению с этносом в целом. У коряков наблюдается резкий дисбаланс в соотношении полов за счет убыли мужчин, начиная с возрастной когорты 35–40 лет. Для коряков характерен суженный тип воспроизводства: доля младшей возрастной группы снижается; высокая смертность — 92% людей умирает в возрасте до 60 лет. В брачной структуре резко преобладают межэтнические браки (84%), из которых основная часть заключается с пришлым населением, большинство детей от смешанных браков записываются как коряки. Это приводит к тому, что генофонд коряков северо-востока Камчатки утрачивает черты исходного коряцкого генофонда и насыщается генами как славянского населения, так и чукчей и эвенов. В этом проявляется закономерность — утрата древних генофондов на периферии этнического ареала.

Демографический портрет коряков севера Камчатки представлен в статье, [опубликованной в журнале «Вестник МГУ. Серия XXIII. Антропология»](#). Исследование проведено коллективом специалистов Медико-генетического научного центра, Института общей генетики РАН, Кемеровского государственного медицинского университета и Амурского гуманитарно-педагогического университета, ведущие авторы статьи д.б.н., профессор РАН О.П.Балановский и д.м.н. профессор М.В. Лавряшина. В работе были обследованы три села северо-востока Камчатки (Олюторского района Камчатского края), в которых совместно проживают представители трех северных народов: коряков, чукчей, эвенов. Все три села входят в древний этнический ареал коряков. Из ныне известных коренных народов Дальнего Востока именно коряки издавна населяли север Камчатского края. Другие этнические группы не сохранились: алюторцы сегодня остались только в этнониме (в названии Олюторского района), а керекки полностью ассимилированы чукчами. Чукчи появились здесь позже — в XVIII веке, а эвены лишь в XX веке.

Язык коряков входит в чукотско-камчатскую лингвистическую семью, в которую также включают алюторский и керекский языки, а также ительменский, рано отделившийся от остальных языков этой семьи. Коряки традиционно делятся на два субэтноса — тундровых и береговых, причем у береговых коряков исконным языком был алюторский, а не собственно коряцкий. Береговые коряки (по самоназванию нымыланы) преимущественно занимались рыболовством, по месту проживания подразделялись на три группы: «алюторцы», «карагинцы», «паланцы». Тундровые коряки (по самоназванию чавчувены) — оленеводы, ведущие кочевой образ жизни, подразделялись на четыре группы: «паренцы», «каменцы», «апукинцы», «итканцы». Сегодня память о делении коряков на субэтнические группы почти стерлась.

Компактный ареал коряков с 1930 года был выделен в Корякский автономный округ. По данным переписей 1926–2010 гг. общая численность коряков в России колебалась от 6 до 9 тысяч человек. В 2010 г. из 7953 коряков 6640 человек проживало на Камчатке, 900 в Магаданской области и 69 человек на Чукотке, причем на Камчатке среди 14 368 представителей коренных малочисленных народов севера коряки составляли почти половину. Численность прочих этносов намного меньше, причем из них лишь эвены в той или иной степени сохранили исходный генофонд, а остальные (алеуты, ительмены, камчадалы, чукчи, эскимосы) интенсивно перемешиваются между собой и пришлым населением.

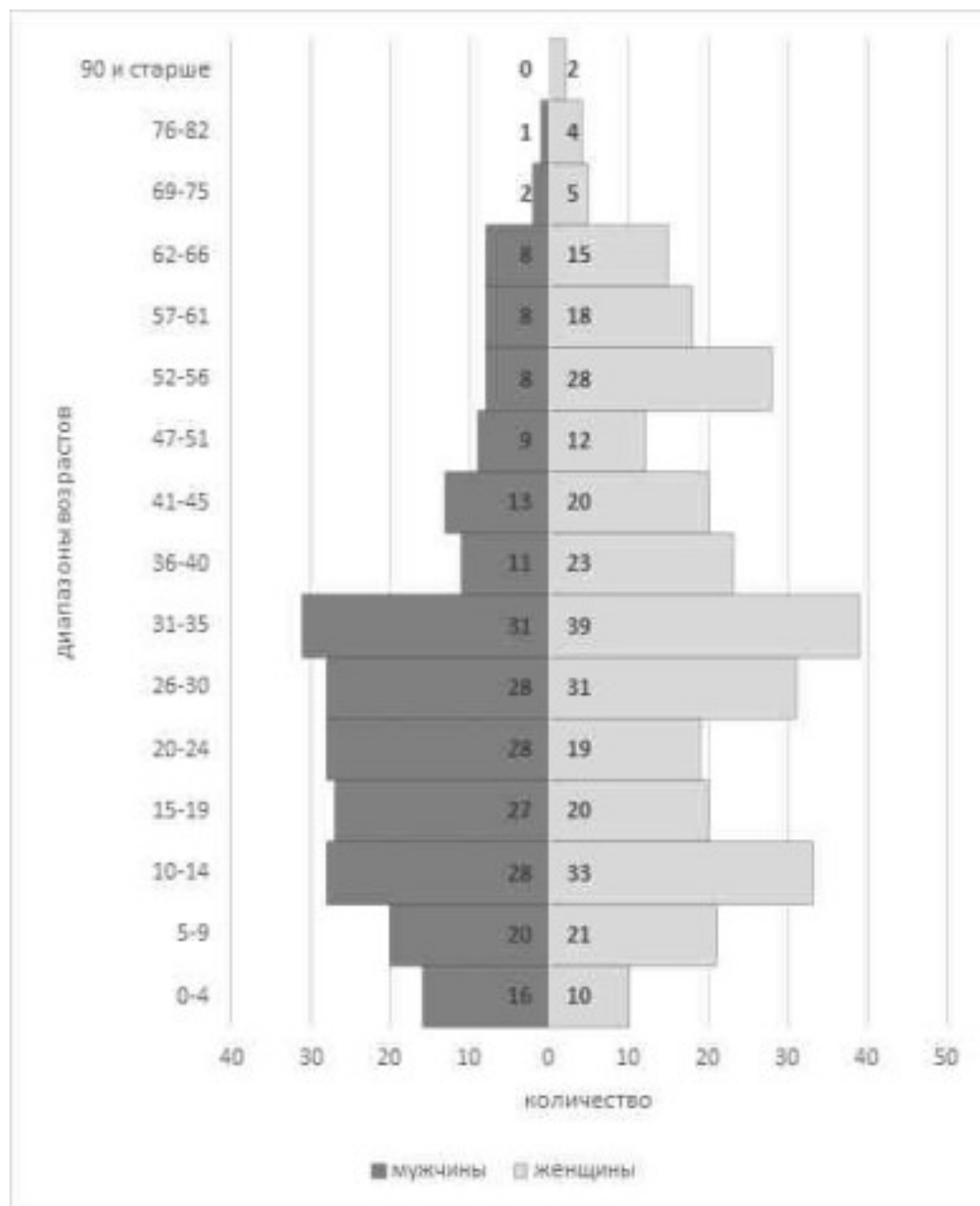
В данном исследовании была поставлена задача описать демографический портрет северо-восточной популяции коряков, которая является наследницей генофонда нымыланов-алюторцев, и при сравнении ее с магаданской популяцией выявить особенности демографической ситуации на периферии этнического ареала этого народа.

Материалом послужили деперсонифицированные записи книг похозяйственного учета населения по состоянию на конец 2018 года. Данные о 2614 представителях коренных народов Севера (коряков, чукчей, эвенов) и пришлого населения (в основном русских) были внесены в компьютерную базу данных, и с помощью стандартных методов программ STATISTICA 8.0 (StatSoft) и SPSS были рассчитаны показатели этнической, половозрастной и брачной структуры.

В этническом составе трех обследованных сел Олюторского района коренные народы Дальнего Востока составляют больше половины (58%) от всего населения: 27% чукчи, 21% коряки, 10% эвены. Из пришлых народов большинство представлено русскими (37%), а остальные этносы суммарно составляют менее 5%. В двух селах преобладают чукчи (в Ачайваяме 70% населения, в Хаилино 37%). Третье село, районный центр Тиличики, наиболее многочисленное, можно считать корякским: коряки составляют в нем три четверти коренного населения (коряки 75%, чукчи 16%, эвены 9%). Но при этом 68% всего населения Тиличиков составляет пришлое население (в основном русские).

В популяциях всех трех народов на этнической периферии наблюдается увеличение среднего возраста. Сильнее всего это выражено у эвенов — на северо-востоке их средний возраст на 10 лет выше, чем для эвенов в целом; у чукчей разница составляет 8 лет. Для коряков разница в среднем возрасте между периферийной популяцией и этносом в целом чуть больше двух лет, вместе с тем, у коряков самый большой размах гендерных различий по среднему возрасту (7 лет).

У всех коренных малочисленных народов Севера (КМНС) наблюдается неравное соотношение полов — численное преобладание женщин, которое больше выражено в городах. Причина в том, что женщины КМНС более активно, чем мужчины, переезжают из тундры и тайги в поселки и города, что приводит к гендерному разделению пространства. Гендерный дисбаланс появляется в возрасте 35–40 лет: до 35 лет число женщин и мужчин равное, а в когорте старше 35 лет женщин вдвое больше, чем мужчин. Это проявление высокой мужской смертности.

Половозрастная пирамида коряков трех сел Олюторского района Камчатского края

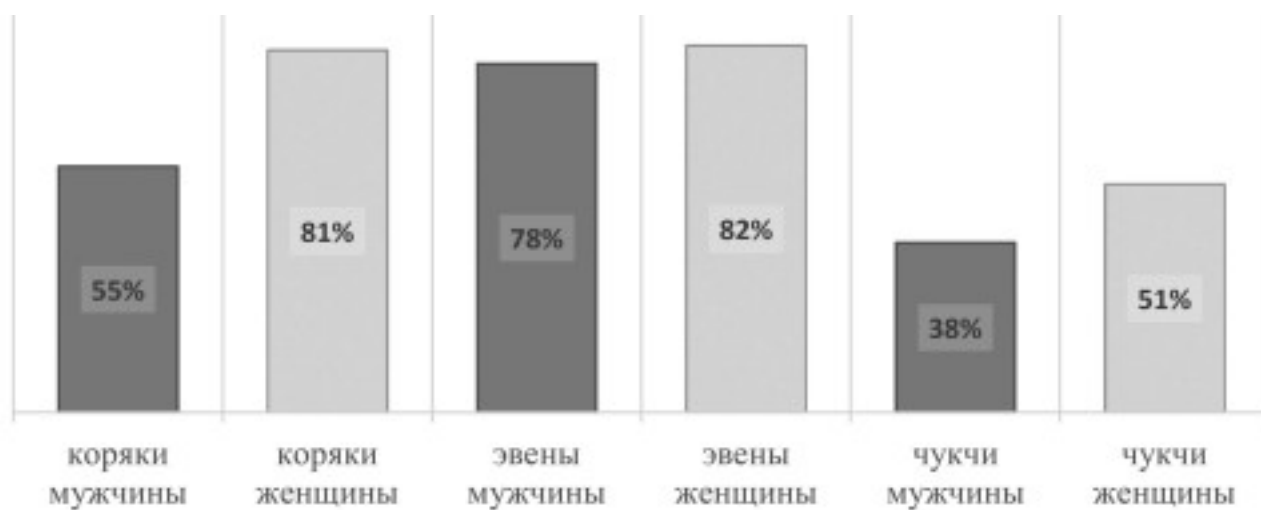
Показатели смертности у коряков высоки. По данным литературы в соседнем Пенжинском районе в 2000–2009 годах младенческая смертность составляла 40%, а общая смертность была в полтора раза выше рождаемости. В эти же годы в этом районе уровень смертности у коряков в молодом возрасте (15–29 лет) соответствовал среднероссийскому уровню смертности для предпенсионного возраста (45–60 лет), а в развитых странах мира — смертности в возрасте 60–69 лет. При этом до 40% смертей коряков приходилось на группу внешних причин (убийства, самоубийства, несчастные случаи, алкогольные отравления) и 5% — на паразитические и инфекционные заболевания. В тоже время в населении России на эти две причины приходится 13% смертей, а в развитых странах мира — 7%. Максимум смертности от внешних причин в Пенжинском районе приходился на возраст 35–40 лет, и в этот же период на половозрастной пирамиде резко снижается количество мужчин.

Продолжительность жизни у коряков Пенжинского района в 2000–2009 годах составляла 42–44 года для мужчин и 45–47 лет для женщин. Примечательно, что в конце советской эпохи продолжительность жизни была выше: 54 года у мужчин и 65 лет у женщин, то есть за 20 лет продолжительность жизни снизилась на 12 лет у мужчин и на 20 лет у женщин. В наше время в возрасте до 60 лет у коряков Олюторского района умирает 92% населения, а у магаданских коряков – более 95% населения. Для сравнения, в целом по России в возрасте до 60 лет умирает 30% населения, а среди КМНС – 70%.

Соотношение разных возрастных групп указывает на регрессивный (суженный) тип воспроизводства населения у коряков и старение популяции (несмотря на низкую продолжительность жизни). По данным четырех переписей размер младшей возрастной группы (0–14 лет) у коряков неуклонно снижается от 1979 года до 2010 года. Уменьшение доли детей в популяции связано со снижением рождаемости, которое, начиная с середины XX века, характерно для всех КМНС.

В брачной структуре коряков растет число этнически смешанных браков: в 2000 году в разных селах они составляли от 46 до 57%, а в 2018 году уже 84%. Основная часть смешанных браков заключается с пришлым населением и только 36% браков – с эвеннами и чукчами. Доля моноэтнических браков у коряков составляет лишь 16%, это означает, что коряки трех поселков уже не соответствуют критерию популяции, согласно которому более половины браков должно заключаться между ее членами. Но если рассматривать более широкое понятие — популяцию коренного населения севера Камчатки (объединяющую три коренных народа), то доля всех браков с коряками, эвеннами и чукчами составляет 52%,

что находится на пределе популяционного критерия. У чукчей доля моноэтнических браков (38%) также не достигает популяционного критерия, но доля браков между всеми коренными этносами (чукчи, коряки, эвенны) составляет три четверти брачной структуры (74%). Поэтому можно считать, что они образуют единую популяцию коренного населения севера Камчатки. Коряки, по указанному критерию, тоже входят в общую популяцию коренного населения северо-востока Камчатки. Но их генофонд уже предельно насыщен не только генами чукчей и эвенов, но и генами пришлого, преимущественно русского населения. При этом есть разница между селами и районным центром Тиличики: если в селах коряки заключают 81% браков между коренными этносами (коряки, чукчи, эвенны), то в Тиличихах доля таких браков лишь 28%.

Гендерные различия по доле межэтнических браков в брачной структуре коренных малочисленных народов севера (КМНС) трех сел Олюторского района Камчатского края.

На Камчатке высока доля взрослых мужчин КМНС, никогда не состоявших в браке, за период 2002–2010 годы она выросла с 45 до 50%. Межэтнические браки гораздо чаще заключают женщины, чем мужчины. По данным исследования трех сел 45% мужчин-коряков и только 19% женщин состоят в моноэтническом браке; 38% мужчин-коряков и 29% женщин состоят в браке с другими КМНС; только 17% мужчин состоят в браке с представительницами пришлого населения, а для женщин эта боля больше половины (52%). У других КМНС северо-востока Камчатки эта тенденция выражена, но слабее, чем у коряков.

Гендерные различия в доле межэтнических браков приводят к различной динамике генофонда по митохондриальной ДНК (наследование по материнской линии) и по Y хромосоме (наследование по отцовской линии). Повышенная доля межэтнических браков у женщин приводит к увеличению потока «чуждых» Y хромосом, причем у коряков более половины этого потока составляют Y хромосомы пришлого населения, а у эвенов и чукчей основную часть составляют Y хромосомы коренного населения. Ситуацию утраты исходного генофонда усугубляет то, что детей от межэтнических браков чаще записывают как представителей коренного населения. Так, в обследованных популяциях практически все дети от браков с пришлым

населением записаны как коренное население: 97% детей от браков коряков с пришлым населением записаны как «коряк»; 97% детей от браков чукчей с пришлым населением – записаны как «чукча»; и лишь немногим меньше – 87% детей от браков эвенов с пришлым населением записаны как «эвен». При этом, поскольку две трети детей от браков коряков с КМНС записаны как коряки, то их генофонд намного интенсивней сдвигается в сторону других этносов, чем у эвенов и чукчей.

Действуя совместно, два этих фактора — преобладание межэтнических браков и записи детей от них как коряков – приводят к тому, что генофонд коряков северо-востока Камчатки утрачивает черты исходного коряцкого генофонда и насыщается генами как пришлого славянского населения, так и чукчей и эвенов (которые в этом регионе появились относительно недавно). Вместе с тем, с конца XX века наблюдается мощный отток пришлого населения с северо-востока Камчатки, и доля коряцкого населения в селах увеличивается, это удерживает коряцкую культуру от исчезновения. Наблюдаемые тенденции позволили исследователям прогнозировать постепенное взаимопроникновение генофондов коренных северных народов — коряков, чукчей и эвенов. Причем поток генов в генофонды коряков и чукчей ожидается больше, чем в генофонд эвенов, так как дети от браков между коренными малочисленными народами севера чаще записывают своих детей как чукчей и коряков. Поэтому можно ожидать, что именно эвены, а не коряки и чукчи, в наибольшей степени сохранят исходный генофонд.

Источник:

[Балановская Е.В., Богунов Ю.В., Богунова А.А., Каменщикова Е.Н., Пылёв В.Ю., Бычкова Л.С., Балановский О.П., Лавряшина М.Б. Демографический портрет коряков севера Камчатки. // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. — 2020. — №4 — с.111-122.](#)

DOI: [10.32521/2074-8132.2020.4.111-122](https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.4.111-122)